

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОВГОРОДСКАЯ
ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 84(2Рос=Рус)1-49
Н 72

Федеральная программа книгоиздания России

Н 72 Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Том IV. Часть 1). — М.: Языки русской культуры, 2000. — 728 с., разд. паг. (XXXVIII, 690 с.).

ISBN 5-88766-063-5

В IV томе новой серии Полного собрания русских летописей переиздаются тексты Новгородской четвертой летописи старшей и младшей редакций, а также летопись Дубровского и сокращенный Новгородский летописец по списку Н. К. Никольского. Переиздание предваряется предисловием, написанным А. Г. Бобровым об истории издания Новгородской четвертой летописи, и предисловием Б. М. Клосса о современном состоянии изученности истории Новгородского летописания в первой половине XV века.

ББК 84(2Рос=Рус)1-49

Вниманию зарубежных покупателей!

За пределами России и стран СНГ данное издание распространяется только в специальном экспортном исполнении – с **зеленой полосой** под данным текстом. **Распространение издания без зеленой полосы не является законным.**

Право на распространение этого издания за рубежом, кроме издательства «Языки русской культуры» (fax: 095 246-20-20 для М153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первое предисловие к изданию 2000 г. (<i>А. Г. Бобров</i>)	V–IX
Второе предисловие к изданию 2000 г. (<i>Б. М. Клосс</i>)	XI–XX
НОВГОРОДСКАЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕТОПИСЬ	
Предисловие к 1-му выпуску (1915 г.) (с. 1–320)	XXIII–XXXI
Предисловие ко 2-му выпуску (1925 г.) (с. 321–536)	XXXIII–XXXIV
Предисловие к 3-му выпуску (1929 г.) (с. 537–688)	XXXV–XXXVIII
Новгородская 4-я летопись	1–632
А. Окончание списка Строевского	445–450
Б. Окончание списка Новороссийского	451–453
В. Окончание списка Голицынского	454–462
Г. Окончание списка Академического	463–470
Д. Варианты списка Дубровского	471–489
Е. Окончание списка Дубровского	490–579
Ж. Сокращенный Новгородский летописец	580–622
Приложения	623–632
I. А се имена всим градом Рускымь далним и ближнимь	623–624
А се Рустии митрополити	624
А се Новъгородцкии епископи	625
А се посадници Новгородстии	626
А се тысяцькии Новгородцкьи	626
Архимандриты Новгородстии	627
II. Пооучение Петра митрополита всея Руси князю Дмитрею, и к матери его, и к епископу, и к бояром, к старым и к молодым	627
III. Никифора патриарха Царяграда летописецъ въскоре	627–632
Указатель лиц	633–663
Указатель географический	664–686
Замеченные опечатки	687

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 ГОДА

В составе IV тома Полного собрания русских летописей переиздается Новгородская четвертая летопись, наиболее полная и совершенная по исполнению среди летописных памятников эпохи независимости Великого Новгорода. Краткие сведения о списках этой летописи, а также об основных проблемах, связанных с ее текстологическим изучением, можно обнаружить в недавней статье автора этих строк¹. Здесь же следует несколько более подробно остановиться на характеристике именно воспроизводимого издания.

Впервые Новгородская четвертая летопись была издана Императорской Археографической комиссией еще в 1848 г. (в серии «Полное собрание русских летописей»). Это было время, когда печатание летописей стало производиться в соответствии с общим планом, хотя, как вскоре выяснилось, далеко не совершенным. Первоначально план издания летописей был разработан Н. Г. Устряловым — предлагалось публиковать памятники «в виде одного полного собрания, разделенного на 5 главных отделений: первое будет содержать летопись Нестора с вариантами из всех списков; второе отдельные летописи; третье летописные сборники; четвертое степенные книги; пятое хронографы»². По распоряжению правительства к концу 1830-х гг. в Археографическую комиссию были доставлены все известные к тому времени 168 списков древнерусских летописей, и работа над подготовкой к изданию Полного собрания русских летописей была начата³.

Я. И. Бередников, назначенный главным редактором летописей, определил последовательность изданий: в первую очередь, согласно его проекту, следовало опубликовать древнейшие памятники, в том числе, по терминологии Я. И. Бередникова, «четыре Новгородских летописи»⁴. От мысли Н. Г. Устрялова издать Летопись Нестора (Повесть временных лет) отдельно с вариантами по всем известным спискам Я. И. Бередникову пришлось отказаться, так как тексты слишком разнились между собой. Издатели первых томов ПСРЛ, как уже отмечалось историками науки, находились под влиянием научных идей А.-Л. Шлецера и основывали на них археографическую подготовку летописных текстов. Так, например, Я. И. Бередников, издавая Новгородские летописи, изъясил из их состава «Повесть временных лет», ибо «считал последнюю пригодной лишь для подведения вариантов к Повести же в более древней Лаврентьевской летописи (тем самым он исходил из мысли Шлецера о возможности восстановления „очищенного“ текста Несторовой летописи путем подведения вариантов из более поздних списков к древнейшему из списков — Лаврентьевскому)»⁵. Вообще Летопись Нестора решено было печатать только в составе упомянутых выше памятников, отражающих, по мнению Я. И. Бередникова, три редакции (древнюю, среднюю и новую),

прочие же летописи, содержавшие в своей начальной части «Повесть временных лет», решено было публиковать без нее. В результате все первые публикации в серии «Полное собрание русских летописей» не приводили целостного текста летописей, так как фрагменты (и не только «Повесть временных лет»), параллельные ранее опубликованным в предыдущих томах, вновь не воспроизводились, а лишь обозначались отсылками. Возможно, в следовании этому принципу Я. И. Бередников и находился, действительно, под некоторым влиянием концепций А.-Л. Шлецера, но использование им принципа так называемого «единообразного правописания» решительно противоречит сформулированным А.-Л. Шлецером еще в предисловии к изданию 1767 г. правилам передачи текста летописей⁶. Обосновывая свой отказ от передачи текста рукописей «буква в букву», Я. И. Бередников ссылался на практику современной ему западноевропейской археографии⁷.

Опубликованный в 1848 г. четвертый том ПСРА – «Новгородские и Псковские летописи»⁸ – содержит следующие летописи и предисловия к ним: Н4, Псковскую I летопись, а также отдельно – прибавления, выделенные из Н4: Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, Сказание о Царьграде дьяка Александра, Повесть о преставлении князя Михаила Александровича Тверского. Н4 была опубликована по 5 спискам (с. 1–165 указанного издания). За основной был принят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035), а варианты были приведены по спискам: Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки (РНБ, ОСРК, F.IV.235) и Хронографическому (ГИМ, Синодальное собр., № 280). Издатель также привел таблицы с образцами почерков писцов.

Таким образом, издание Новгородской четвертой летописи 1848 г. характеризуется неполнотой и несовершенством правил передачи древнерусского текста. Оно было неудобным для использования.

Принципиально новый этап не только в изучении, но и в публикации русских летописей связан с именем академика А. А. Шахматова⁹. Как отмечал С. Н. Валк, «если предшествующее направление видело в том, что оно считало „летописным сводом“, лишь механическое соединение разнородных источников..., то А. А. Шахматов впервые развил взгляд на летописный свод как на целостное историко-литературное произведение...»¹⁰. Объединение при издании списков различных летописных сводов теперь, в свете новых представлений об истории древнерусского летописания, стало совершенно недопустимым, и любое издание летописей должно предвлекаться текстологическим исследованием.

В статье С. В. Чиркова было убедительно показано, что А. А. Шахматов, возглавивший редакционное совещание Археографической комиссии по изданию летописей и литературных памятников, принимал участие практически во всех издательских проектах¹¹, причем исследователь полагал, что необходимо продолжать издание летописей именно в составе серии ПСРА: «Уже в одном только названии <...> заключа-

ется целая программа»¹². А. А. Шахматовым был выдвинут принципиально новый подход к делу публикации летописей: «всякому изданию должна была предшествовать тщательная работа по изучению состава подлежащих изданию рукописей с точки зрения их места в общей истории летописания»¹³. Недостатки прежних изданий и появление новых издательских принципов привели к необходимости подготовки в серии ПСРЛ новых, более совершенных изданий, в том числе и Новгородской четвертой летописи.

Всего в серии ПСРЛ с самого момента ее основания и до конца 20-х гг. нашего века было опубликовано 24 тома, причем 14 из них изданы впервые либо переизданы при активном участии А. А. Шахматова. В этой связи вызывает недоумение замечание Я. С. Лурье, что «принципы А. А. Шахматова были в общем весьма чужды Археографической комиссии, публиковавшей ПСРЛ»¹⁴. Мнение Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов принимал участие только в издании Симеоновской и Ермолинской летописей, а в целом Археографическая комиссия «не занималась предварительным исследованием издаваемых памятников», следует признать бесосновательным¹⁵.

В IV томе (2-е изд.) серии «*Полное собрание русских летописей*» была опубликована Н4 (в трех выпусках)¹⁶. В предисловии к I выпуску даны характеристика первого издания Н4 и описание списков, использованных при втором издании. В предисловии ко II выпуску перечислены рукописи, использованные при издании этого выпуска. В предисловии к III выпуску – описание списков, использованных при подготовке текстов II и III выпусков и не описанных в I выпуске.

В отличие от первого издания, где из текста были выпущены места, встречающиеся в других летописных сводах, в этом издании текст Новгородской четвертой летописи опубликован полностью. За основной текст, как и в первом издании, был взят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035). Разночтения подведены уже не по четырем, как в первом издании, а по следующим восьми спискам: Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки/Фроловскому (РНБ, ОСРК, F.IV.235), Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Толстовскому (РНБ, ОСРК, Q.IV.138), Голицынский (РНБ, ОСРК, Q.XVII.62), Новороссийскому (БАН, Тек. пост. 1107), Архивскому (РГАДА, собр. МГАМИД, № 20/25) и списку Дубровского (РНБ, ОСРК, F.IV.238). Четыре последних списка в первом издании Н4 использованы не были. Вслед за текстом Н4 в этом издании следуют варианты окончания летописи по спискам Строевскому, Новороссийскому, Голицынский, Академическому и Дубровского, а также приведены варианты по списку Дубровского.

Кроме того, полностью был опубликован сокращенный Новгородский летописец по списку Н. К. Никольского и приложения: «А се имена всим градом Рускымь далним и ближнимь», «А се Рустии митрополити», «А се Новъгородцкии епископи», «А се посадници Новгородстии», «А се тысяцькии Новгородцкыи», «Архимандриты Новгородстии», «Поучение Петра митрополита всея Руси князю Дмитрею...», «Никифора патриарха Царяграда летописецъ въскоре».

В настоящем томе издание 1915—1929 г. воспроизведено полностью, включая приложения и указатели.

Александр Бобров,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы РАН
(Пушкинский Дом)
21 июня 2000 г.

Примечания

¹ *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 107—136.

² *Устрялов Н. Г.* Предположение об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографической комиссией // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 13, № 2, отд. 3. С. 348.

³ Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1 (1835—1840 гг.). С. 475—476.

⁴ *Березников Я. И.* Предисловие к Полному собранию русских летописей // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. С. 5 (паг. 1-я).

⁵ *Буганов В. И.* Об издании русских летописей // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 18.

⁶ Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: До 1094 года. С. [1—18]. Об этом предисловии и о его значении для последующих издателей см.: *Пештич С. А.* Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 239—240.

⁷ *Березников Я. И.* Предисловие к Полному собранию русских летописей... С. 1, 7 (паг. 1-я).

⁸ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 4. — 8 с., 2 табл., 362 с.

⁹ См.: *Лихачев Д. С.* 1) Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1946. Т. 5, вып. 5. С. 418—428; 2) Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. ст. и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253—293; *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 87—107.

¹⁰ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 134.

¹¹ *Чирков С. В.* Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 24—37.

¹² *Шахматов А. А.* [Записка об Ипатьевской летописи] // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13, Отд. 1. С. 33—34.

¹³ *Чирков С. В.* Вопросы публикации летописей... С. 34.

¹⁴ *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. [Вып.] 1. С. 7.

¹⁵ Подробнее об издании летописей в начале XX в. см.: *Брачев В. С.* Петербургская Археографическая комиссия (1834—1929). СПб., 1997. С. 104—132. Между прочим, В. С. Брачев, являющийся

сторонником лингвистических изданий летописных памятников, полагает, как и Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов не смог добиться реализации своих взглядов на публикацию летописей, однако, по его мнению, не Симеоновская и Ермолинская летописи, а «изданные Археографической комиссией в 1907–1908 гг. Ипатьевская и Западнорусские летописи являются <...> единственными из летописных текстов, в подготовке которых А. А. Шахматов принимал непосредственное участие и которые отразили его взгляды на их издание» (Там же. С. 130).

¹⁶ ПСРА. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. – 9, 320 с.; ПСРА. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. – 1 нум., С. 321–536; ПСРА. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. – 4, С. 537–687.

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 ГОДА

Издаваемая в настоящем томе Новгородская четвертая летопись представляет большую ценность как для характеристики древнейшего новгородского летописания, так и для восстановления центрального памятника общерусского летописания XV в., лежащего в основе Новгородской четвертой и Софийской первой летописей¹. Вывод о существовании у Новгородской четвертой и Софийской первой летописей общего оригинала принадлежит А. А. Шахматову². Хотя сходный текст обеих летописей доходит лишь до 1418 г., А. А. Шахматов определил их общий источник как «Свод 1448 г.», исходя из предложенной им трактовки хронологического расчета под 1380 г. о днях совпадения Благовещения и Пасхи³. Ученый предположил, что «Свод 1448 г.» был составлен в Новгороде, а общерусский характер свода объяснял существованием митрополичьего летописного предшественника — Владимирского полихрона 1423 г. Таков был первоначальный вариант реконструкции истории общерусского летописания в первой половине XV в.

Новые данные, однако, привели к пересмотру всей схемы. Уже в 1911 г. А. А. Марков в письме к А. А. Шахматову указал на ошибочность гипотезы о «Своде 1448 г.», поэтому А. А. Шахматов предпочел называть его Новгородско-Софийским сводом и датировал 30-ми годами XV в. (исходя из окончания старшей редакции Новгородской четвертой летописи на 1437 г.)⁴.

На следующем этапе была отвергнута гипотеза о Полихроне 1423 г. А. А. Шахматов находил отражение этого памятника в Ермолинской летописи и Русском хронографе. Но в недавних исследованиях было доказано, что Ермолинская летопись восходит к протографу второй половины XV в.⁵, а в основание Хронографа был положен Сокращенный свод конца XV в.⁶ Таким образом, отпадает необходимость признания этапа общерусского летописания (в виде Полихрона 1423 г.) между временем создания Троицкой летописи и Новгородско-Софийским сводом⁷.

Концепция о времени составления протографа Софийской первой и Новгородской четвертой летописей (Новгородско-Софийского свода, по А. А. Шахматову) также претерпела изменения. А. Г. Бобров предлагает датировать памятник 1418 г. и связывает его происхождение с деятельностью митрополита Фотия⁸. Правильное в своей основе предположение, однако, не было подкреплено доказательствами (разобранные автором аргументы идеологического порядка, естественно, не имеют точного хронологического приурочения). Более того, исследователь не сумел преодолеть те видимые противоречия, которые возникают при сравнении предложенной датировки с результатами других авторов. Так, если считать, что митрополичий свод составлен в 1418 г., то его яркая антилитовская направленность никак не согласуется с текстами велико-

княжеских духовных 1417–1423 гг., объявляющих литовского князя Витовта гарантом их исполнения (кстати, духовные были подписаны митрополитом Фотием)⁹. Другое возражение выдвинуто М. А. Салминой: упомянутый среди убитых в Летописной повести о Куликовской битве князь Федор Тарусский на самом деле пал в бою под Белевым в 1437 г. – следовательно, рассказ Софийской первой и Новгородской четвертой летописей о Куликовском сражении составлен после 1437 г.¹⁰

Чтобы объяснить возникшие противоречия, необходимо принципиально определиться с датировкой свода, лежащего в основе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей. Ключ к этой проблеме, как ни странно, лежит в анализе русских статей Еллинского летописца 2-го вида. Еще в работе, опубликованной в 1972 г., мной было показано, что русские статьи Еллинского летописца (о походах киевских князей на Царьград, повесть о взятии Константинополя в 1204 г.) написаны с привлечением тех источников (Троицкая летопись, Новгородская I летопись, Хронограф по великому изложению) и в том же самом сочетании, что и в Новгородско-Софийском своде¹¹. Можно, таким образом, констатировать, что проводилась параллельная работа, с привлечением одних и тех же источников, над двумя памятниками: всемирно-исторической компиляцией (Еллинским летописцем 2-го вида) и русским летописным сводом (протографом Новгородско-Софийских летописей). Еллинский летописец 2-го вида я датировал 1391–1425 гг.¹², а создание Новгородско-Софийского свода, основываясь на мнении А. А. Шахматова, относил тогда к 30-м годам XV в. Поскольку датировка А. А. Шахматова не имеет точных хронологических привязок (он ориентировался только на окончание старшей редакции Новгородской четвертой летописи), я не вижу оснований отрывать друг от друга указанные два памятника. Можно сказать, что всемирно-исторический свод и русская летопись взаимно дополняли друг друга, основаны на одних и тех же источниках и связаны единым замыслом. Таким образом, создание Еллинского летописца 2-го вида и протографа Новгородско-Софийских летописей следует относить к одному времени. Поскольку в обоих памятниках использована Троицкая летопись (которую я датирую 1412–1414 гг.¹³), составление Еллинского летописца 2-го вида и общерусского митрополичьего свода укладывается в период 1412–1425 гг. Однако если вспомнить, что общий текст Софийской первой и Новгородской четвертой летописей был доведен до 1418 г., то для летописного свода митрополита Фотия можно предложить и более точную датировку: 1418–1425 гг. (следует отметить, что создание Хронографического свода несколько предшествовало составлению общерусской летописи, поскольку в последней использованы уже дополнительные источники).

Осталось разобрать, действительно ли противоречат указанные выше аргументы выведенной датировке митрополичьего свода 1418–1425 гг.

Если следовать существующей хронологии духовных Василия I с упоминанием великого князя Витовта в качестве гаранта, то антилитовская направленность митрополичьего свода не получает разумного объяснения. Однако недавнее исследование духовных Василия Дмитриевича показало, что древнейшая грамота с упоминанием

Витовта на самом деле датируется 1423 г.¹⁴ Таким образом, составление митрополичьего летописного свода с его антилитовской идеологией следует относить ко времени до 1423 г. Недовольство митрополичьего двора было вызвано разделением единой митрополии и поставлением в 1415 г. по воли Витовта в ее западной части митрополита Григория Цамблака. Лишь после смерти в 1419 г. Григория Цамблака русско-литовские отношения стали нормализоваться, Фотий был признан главой всей Русской митрополии и уже в 1420 г. поехал в Литву к Витовту¹⁵. Таким образом, появляется возможность более точной датировки летописного свода митрополита Фотия: 1418–1419 гг.

Датировка 1418–1419 гг. в отношении свода митрополита Фотия подтверждается и другим способом. Дело в том, что для этого свода Елифаний Премудрый написал целый ряд повестей (читающихся теперь в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей): Повесть о Куликовской битве, Повесть о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, рассказ о сражении на Ворскле, Слово о житии и преставлении тверского князя Михаила Александровича, поучение по поводу знамения 1402 г., рассказ о кончине митрополита Киприана¹⁶. Учитывая, что скончался Елифаний в 1419 г.¹⁷, приходим к выводу, что работа над Сводом Фотия производилась в 1418–1419 гг. (напомним, что до 1418 г. доходил общий текст Софийской первой и Новгородской четвертой летописей)¹⁸.

В такой ситуации предположение М. А. Салминой, что упомянутый среди убитых в Куликовской битве князь Федор Тарусский может быть отождествлен с погибшим в 1437 г. при Белеве одноименным князем, едва ли справедливо. Во-первых, имя Федора Тарусского в рассказе о Белевском сражении появляется в источниках относительно поздно – впервые лишь в Московском своде 1479 г.¹⁹ Во-вторых, сообщение Новгородско-Софийских летописей под 1380 г. текстологически не зависит от рассказа о сражении при Белеве: в них упоминается гибель не только князя Федора Тарусского, но и «брата его князя Мстислава», в то время как в Своде 1479 г. (в рассказе о Белеве) читается имя одного Федора Тарусского. Если и произошло смешение двух тарусских князей Федоров, то это легче допустить для более позднего памятника. Но я все-таки присоединяюсь к мнению ряда ученых, что в 1380 и 1437 гг. действовали два разных, хотя и одноименных, тарусских князя.

Обозначая летописный памятник, лежащий в основе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей для краткости как **Свод митрополита Фотия 1418 г.**, охарактеризуем, как он отразился в составе Новгородской четвертой летописи, публикуемой в настоящем томе Полного собрания русских летописей.

Новгородская четвертая летопись существует в нескольких редакциях. Старшую редакцию (доводящую изложение до 1437 г.) и младшую (доходящую до 1447 г.) определил еще А. А. Шахматов²⁰. Предполагая происхождение младшей редакции Новгородской четвертой из старшей, ученый тем не менее обратил внимание, что обе редакции расходятся после 1428 г. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение, что в основе старшей и младшей редакций Новгородской четвертой

летописи лежит свод 1428 г. Указанный летописный памятник, однако, сформировался не сразу.

Первоначальный вид Новгородской четвертой летописи сохранился в неопубликованном *Карамзинском списке*: РНБ, F.IV.603, л. 181–425 об. Особенностью его текста является двухчастное деление, содержащее две подборки: на л. 181–301 расположены статьи от начала летописи и до 1411 г., а на л. 302–425 об. записаны известия 988–1428 гг. Со времени А. А. Шахматова считалось, что Карамзинский список имеет механический обрыв под 1428 г. Но А. Г. Бобров рассмотрел, что окончание статьи 1428 г. на самом деле читается под заклеюшкой на обороте листа 425²¹.

По поводу датировки Карамзинского списка в литературе имеются расхождения. А. А. Шахматов относил рукопись неопределенно к XVI веку²². Я. С. Лурье, следуя за А. Н. Насоновым, датировал список концом XV – началом XVI в.²³ Другая дата содержится в работе Г. М. Прохорова: конец XV в.²⁴

Дадим уточненное описание Карамзинского списка. Сборник РНБ, F.IV.603 – в 1^о, на 551 листе. Сборник составной, XVI–XVII вв. К XVI веку относятся л. 179–425; филигранные: 1) Литера Р под цветком (л. 181–411, 415–416) – Брике, № 8643 (1530–1531 гг.); 2) Голова быка под крестом, обвитым змеей (л. 179–180, 412–414, 417–425) – Пиккар, XVI, № 199 (1502–1503 гг.) Эта часть сборника датируется, таким образом, первой третью XVI в. Текст писан одной рукой, беглым полууставом. Состав данной части сборника: л. 179–180 об. – статья «А се имена всѣмъ градом руским ближним и далнимъ»; л. 181–301 – летописная подборка, начиная с Повести временных лет и кончая 1411 г.; л. 302–425 об. – летописная подборка, начинающаяся с 988 г. и доведенная до 1428 г. К XVII веку относятся писанные одним почерком листы 1–178 (Хронографическая Палея) и 426–551 (продолжение летописи по Новгородско-Псковскому своду 1547 г., а также дополнительные статьи). По водяным знакам данная часть сборника датируется 30-ми годами XVII в.: Столбы с буквами АО – типа Гераклитов, № 1129 (1636–1638 гг.); Столбы с буквами РМД; столбы с буквами ІС; герб Базеля – типа Гераклитов, № 84 (1638 г.).

Вопрос о происхождении летописных подборок Карамзинского списка давно вызывает споры. А. А. Шахматов считал, что обе части являются выборками из первоначальной редакции Новгородской четвертой летописи (или из Новгородской четвертой, правленной по «Своду 1448 г.»)²⁵. Мнение о подборках Карамзинского списка как двух выборок из первоначальной редакции Новгородской четвертой летописи отстаивает также Я. С. Лурье²⁶. Другую точку зрения развивает Г. М. Прохоров: подборки Карамзинского списка представляют независимые памятники, составленные в разное время (причем первая подборка образовалась из «Свода 1185 г.» путем постепенного присоединения новгородских известий и оборвалась в 1411 г.)²⁷.

Одно наблюдение Г. М. Прохорова в корне меняет взгляды на соотношение между подборками Карамзинского списка и Новгородской четвертой летописью. Исследователь обратил внимание, что начало и конец статьи 1382 г. Новгородской четвертой